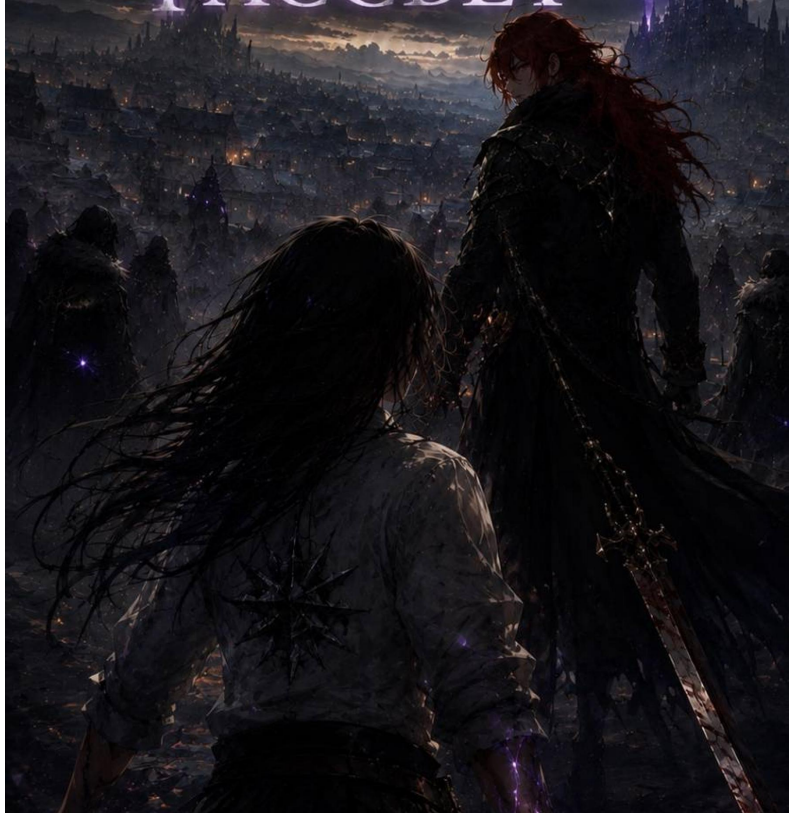

РИВЕР НАЙТФолл

ПЕПЕЛ И РАССВЕТ

Ривер Найтфолл

Пепел и рассвет

<https://litres.ru/74310583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сама не зная каким образом, Мия оказывается в своей любимой игре. Тейват встречает её не приветливыми диалогами, а ледяным ветром, настоящей болью и смертельной опасностью. Появление «лишнего игрока» пробило брешь в реальности, и теперь по следу Мии идут Фатуи и Орден Бездны.

В мире, где нет игровых условностей, а магия требует настоящих жертв, ей придётся использовать своё знание игрового лора, как единственное оружие. Чтобы спасти Мондштадт и человека, которого она любила задолго до того, как коснулась его руки, ей предстоит вписать своё имя в саму память мира – в корни Ирминсуля.

Путешествие по Тейвату начинается. И на этот раз у неё не будет кнопки «пауза».

Примечания автора:

Все права на персонажей и вселенную Genshin Impact принадлежат компании HoYoverse. Автор фанфика не претендует на владение ими.

Содержание

Глава 1. Падение	4
Глава 2. Прощай спокойная жизнь	29
Глава 3. Винокурня «Рассвет»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пепел и рассвет

Глава 1. Падение

Мию разбудил не привычный солнечный свет, пробивающийся через щель между штор, а настоящий, пробирающий до костей, холод, от которого сводило пальцы и ломило зубы.

Это было первое, что не укладывалось в голове. Она чувствовала, что лежала не на кровати и даже не на полу, куда иногда сползала, уснув со смартфоном в руках. А на холодной, влажной земле, пахнущей прелой травой и чем-то незнакомым, сладковато-горьким, как если бы кто-то растёр в пальцах полынь и смешал с цветочной пылью.

Мия открыла глаза и увидела небо.

Только неправильное. Оно было слишком ярким, слишком глубоким, слишком... густым. Звёзды – не те бледные точки, едва заметные сквозь городскую засветку, – а огромные, мерцающие, настоящие звёзды, рассыпанные по чернильному бархату так щедро, будто кто-то разбил банку с блёстками. И созвездия. Ни одного знакомого.

«Я сплю», – подумала Мия.

Это было единственное логичное объяснение. Она помнила, как сидела за компьютером. Помнила на экране «Забытый каньон», который проходила сороковой раз подряд. Помнила, как глаза слипались, как голова клонилась к кла-

виатуре...

Значит, уснула. Прямо за столом, лицом на клавиатуре, и теперь ей снится что-то красивое и бессмысленное.

Она села. Вокруг была настоящая, зелёная, мокрая от росы, высокая до пояса трава. И холм, с которого открывался вид на... на...

Она моргнула. Протёрла глаза. Моргнула снова.

Внизу, в долине, поблёскивала река. За рекой – поле, уходящее к тёмной стене леса. А дальше, на фоне звёздного неба, белели каменные стены и башни города, увенчанного огромным собором с витражными окнами, которые даже ночью, даже отсюда, казались цветными.

Мондштадт. Город Свободы. Город Ветра. Город, который она видела тысячу раз на экране – сверху, снизу, с каждого холма, с каждого моста. Город, в котором она знала каждый переулок, каждую лавку, каждого NPC по имени.

«Я определённо сплю».

Мия ущипнула себя за руку. Больно. Ущипнула сильнее – так, что на коже остался красный след. Ещё сильнее.

Ветер ударил в лицо. Резкий, холодный, пахнувший травой и далёким дождём. Волосы забились в рот, Мия машинально убрала их. Пальцы дрожали так сильно, что она попала себе в глаз.

– Ай!..

Голос прозвучал странно – слишком громко в этой тишине, слишком реально для сна. Где-то внизу, в лесу, отклик-

нулась птица – длинным, залиvistым криком, от которого по спине пробежали мурашки.

Мия опустила глаза на себя. Пижама с Тоторо. Старые серые кеды, в которых она ходила по квартире, потому что пол в её комнате был ледяной.

Ни телефона, ни ключей, ни кошелька.

Она обхватила колени руками и почувствовала, как внутри, где-то между рёбрами, поднимается что-то большое и удушающее, похожее на панику.

«Ладно. Ладно. Допустим, это сон. Очень яркий, очень детальный осознанный сон. Я читала про такие. Сейчас я досчитаю до десяти, и проснусь».

Раз. Два. Три.

Ветер. Трава. Звёзды.

Четыре. Пять. Шесть.

Мондштадт мерцал внизу, настоящий и невозможный.

Семь. Восемь.

Где-то далеко, на границе слышимости, раздался глухой и ритмичный звук, похожий на барабан. Нет, не барабан. Топот. Что-то несло по лесу внизу, ломая ветки.

Девять.

Звук стал ближе. К нему добавились хриплые, гортанные голоса – какая-то помесь хрюканья и улюлюканья. Голоса, которые она слышала тысячу раз в наушниках, и ни разу в жизни.

Хиличурлы.

Десять.

Мия не проснулась.

Но она очнулась. Очнулась от осознания, что весь её мир перевернулся с ног на голову.

Это не сон.

Она бежала, спотыкаясь, хватаясь за ветки, которые хлестали по лицу, и задыхаясь. Да, на физкультуре она была не самой лучшей ученицей.

Мия скатилась с холма, ободрав ладони о камни, и влетела в лес. Деревья сомкнулись над головой, луна пропала, и стало так темно, что она перестала видеть собственные ноги. Но топот сзади стал тише, и голоса хиличурлов – тоже. Она позволила себе остановиться, привалившись к стволу дерева.

Сердце колотилось где-то в горле. Лёгкие горели. Колени тряслись так, что она сползла по стволу на землю и осталась сидеть, обхватив себя руками.

«Ладно. Ладно. Я не сплю. Я в Геншине. Я. В. Геншине. В мире Тейват. Без оружия, еды, без Глаза Бога, без телефона, зато в пижаме. Отлично. Просто отлично. Пять звёзд из пяти, рекомендую».

Она закусила костяшку пальца, чтобы не расплакаться. Получилось плохо. Слезы потекли сами, горячие, злые. Мия вытирала их тыльной стороной ладони, размазывая по щекам грязь.

Мама.

Мысль ударила под дых. Мама сейчас спит в соседней комнате. Утром проснётся, заглянет к ней – «вставай, завтрак стынет» – а кровать пустая. Компьютер включён, стул стоит, а Мии нет.

«Нет. Не думай об этом. Не сейчас. Сейчас главное – выжить».

Она подняла голову и прислушалась. Лес жил своей жизнью – шелестел, поскрипывал, шуршал. Но хиличурлов слышно не было. Может, они не заметили её. Может, пошли в другую сторону.

Мия встала на ноги. Колени всё ещё тряслись, но держали.

«Мондштадт. Мне нужно в Мондштадт. Там люди. Там безопасно. Там... там Джинн, и Эмбер, и рыцари Фавониус. Они помогут. Должны помочь. Я же не монстр, я просто... обычная девушка с ужасной физподготовкой. Самая жалкая исекайщица в истории жанра».

Она попыталась сориентироваться. В игре Мондштадт был к северо-востоку от Мыса Ветров. Если она правильно определила, где проснулась (а холм выглядел как тот, с которого открывался вид на город), то ей нужно идти вниз, к реке, и вдоль неё – к главным воротам.

Простой план. Для персонажа, который может летать на ветроплане, бить монстров и телепортироваться к Статуям Архонтов, чтобы залатать раны.

У Мии не было ничего из этого. У неё были кеды, пижама и тройка по физре.

Она пошла.

* * *

Лес ночью совсем не так безобиден и очарователен, как бывает в игре. В реальности – это корни, которые цепляются за ноги. Это ветки, которые бьют по лицу именно тогда, когда думаешь, что путь свободен. Это звуки, от которых останавливается сердце: хруст, шорох, далёкий вскрик неизвестной птицы. Это запахи сырой земли, гниющих листьев, чего-то мускусного и звериного, от чего хочется забраться на дерево и сидеть там до рассвета.

Мия шла и считала шаги. На двухсотом перестала. На трёхсотом – споткнулась и упала, рассадив колено о камень. Зашипела от боли и схватилась за ногу. Пижаменные штаны порвались, кожа под ними была содрана, из раны сочилась липкая кровь. Слёзы вернулись. Мия стиснула зубы.

«Не реветь. Не реветь. Рыдающая девушка в лесу – это приманка для всего, что здесь живёт. А здесь живут не только хиличурлы. Здесь живут митачурлы. Маги бездны. Руинные стражи. Глаза бури...»

Она поднялась и пошла дальше, прихрамывая.

Лес начал редеть. Деревья расступились, и Мия увидела реку – широкую, чёрную, с серебристой рябью лунного света на поверхности. За рекой – луг, а за лугом – стены Мондштадта. Уже даже различимы отдельные башни, отдельные огоньки в окнах. Близко. Так близко.

Между ней и рекой был пологий, но скользкий после ро-

сы бережок. Мия начала осторожно спускаться, цепляясь за траву. На середине пути нога поехала по мокрой глине. Мия взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие – бесполезно. Она покатилась вниз, собирая спиной каждый камень, каждую кочку, и влетела в воду с плеском, который, наверное, разбудил всю рыбу в радиусе километра.

Речка была ледяной. Настолько ледяной, что у Мии перехватило дыхание и мышцы свело. Она забарахталась, нахлебалась воды, закашлялась. Ноги нашли дно – было неглубоко, по пояс, – и она выбралась на другой берег на четвереньках, дрожа так, что зубы стучали. Мокрая с ног до головы. Пижама облепила тело, кеды хлюпали. Волосы в тине.

«Отличный вид для первого появления в фэнтезийном мире. Просто обложка книги. Бестселлер».

Она стояла на берегу, обхватив себя руками, и смотрела на Мондштадт. До ворот, может, полкилометра? Луг, мост, ворота. Прямая дорога.

Мия двинулась вперёд. Зубы стучали в ритме шагов. Ветер, такой впечатляющий и хорошо прорисованный в игре, здесь пронизывал мокрую ткань, как ножом. Когда-то ей хотелось ощутить его, стоя в высокой траве и глядя на местные окрестности. Что ж...

Пальцы на ногах перестали чувствовать. Но она упорно шла. Потому что альтернативой было лечь и умереть, а умирать в семнадцать лет в пижаме с Тоторо было слишком глупо даже для неё.

Луг кончился, и началась настоящая, мощёная камнем, дорога. Она привела к мосту. За мостом была каменная арка ворот, и рядом... Статуя Барбатоса. Хм, странно, насколько она помнила (а помнила она это хорошо), статуя находилась на площади, в самом городе. Но... если этот мир существует реально, он же не обязан быть точной копиркой своей виртуальной версии?

Статую эту она видела тысячу раз. Изыщная фигура с распростёртыми крыльями, склонённая голова, протянутые вперёд руки. Барбатос. Венти. Бог ветра, вечный бард, любитель вина и плохих шуток.

Здесь, в лунном свете, статуя была другой. Не игровой моделькой, а каменным изваянием высотой с пятиэтажный дом, потемневшим от времени, с лишайником на складках одежды. У подножия лежали засохшие цветы, оставленные кем-то из горожан.

Мия протянула руку и коснулась камня. Он был тёплым, несмотря на ночной холод. От прикосновения по пальцам прошла мягкая вибрация – как далёкий звон колокола, осязаемый кожей, но не слышимый ухом.

Опять предательские слёзы.

«Я правда здесь. Я правда, по-настоящему, здесь».

Она простояла так минуту. Или пять. Потом вытерла лицо мокрым рукавом (что было совершенно бессмысленно, потому что рукав был мокрее лица) и пошла к воротам.

Ворота были открыты – Мондштадт, город свободы, не за-

пирал ворот. Но у входа стояли двое рыцарей в бело-синей форме Ордо Фавониус, с копьями и фонарями.

Они увидели Мию. Мия увидела их. Повисла пауза.

Со стороны это, наверное, выглядело впечатляюще: из ночной тьмы к воротам вольного города выходит мокрая, грязная, дрожащая девушка в непонятной одежде с нарисованным зверем на груди, с тиной в волосах и кровью на коленке, и смотрит на стражников глазами побитого щенка.

– Стой! – рыцарь поднял фонарь. – Кто такая?

Мия открыла рот. И поняла, что не знает, что сказать. Со всем. Ни одного слова. Все заготовки, все «легенды», которые она могла бы придумать, если бы у неё было время – всё вылетело из головы, как стая испуганных голубей.

– Я... – голос был хриплый, чужой. – Я...

Второй рыцарь подошёл ближе, наклонился, разглядывая её.

– Девчонка. Лет шестнадцать-семнадцать. Одежда странная. Ран серьёзных нет, но вся мокрая. Похожа на утопленницу.

– Я не утопленница! – возмутилась Мия, и это вышло так жалко, что первый рыцарь фыркнул.

– Ладно, не утопленница. Документы есть?

Документы... Паспорт, который лежал в ящике комода её комнаты. Свидетельство о рождении. Электронный дневник.

– Нет...

Рыцари переглянулись.

– В штаб, – сказал первый. – Пусть капитан Кэйя разбьётся. Его смена.

«Кэйя».

Её будто ударило разрядом тока, когда она услышала знакомое имя. Кэйя Альберих. Кавалерийский капитан Ордо Фавониус. Хитрый, обаятельный и опасный. Человек, который видит ложь так же легко, как обычные люди видят физические объекты перед собой.

И ей предстоит ему врать.

«Я обречена».

* * *

Штаб Ордо Фавониус ночью выглядел иначе, чем она представляла. Тише. Пустыннее. Факелы в коридорах горели вполнакала, бросая на каменные стены рыжие тени. Где-то капала вода. Пахло воском, металлом и чернилами.

Её провели по коридору, мимо доски объявлений (комиссии! настоящие комиссии, написанные от руки на пожелтевшей бумаге!), мимо двери в библиотеку (за которой, наверное, спала Лиза – или не спала, кто её знает), и усадили на деревянную скамью у кабинета.

– Жди.

Мия сидела, капая водой на каменный пол, и ждала.

Прошло минут десять. Или двадцать. Или сорок – без телефона время превращалось в бесформенный и тягучий кисель. Она успела замёрзнуть окончательно, согреться от стыда, снова замёрзнуть и подумать о том, что если её посадят

в тюрьму, то хотя бы дадут одеяло.

Как только она об этом подумала, раздался звук неторопливых и уверенных шагов.

Кэйя Альберих вышел из-за поворота коридора, и у Мии временно остановилось дыхание.

Он был выше, чем она представляла. Тёмная кожа, синий глаз (второй скрыт повязкой), волосы цвета ночного неба, собранные так, что пряди падали на лицо. Белый мех на воротнике. Голубая клипса в ухе. И расслабленная улыбка, говорящая: «я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, и меня это забавляет».

– Ну-ну, – сказал он, останавливаясь перед ней и разглядывая с головы до ног. – И что у нас тут?

Голос был мягкий и бархатный, с ноткой насмешки, которая, кажется, была вшита в него намертво, как заводская настройка. В игре так и было. Но это уже не игра.

Мия сглотнула.

– Я... я Мия . Я заблудилась.

Кэйя склонил голову набок. Клипса качнулась.

– Заблудилась, – повторил он. – Ночью. Без документов. С тиной в волосах.

Он присел перед ней, легко и грациозно, как кот, и заглянул в лицо. Его единственный глаз был спокойным и внимательным, как объектив камеры.

– Мне кажется, это занятная история. Хочешь рассказать подробнее?

Мия хотела провалиться сквозь скамейку, сквозь пол, сквозь фундамент Ордо Фавониус, сквозь землю – прямо до ядра планеты. Там, наверное, тепло. И нет Кэйи с его рентгеновским взглядом.

– Я... не помню, как сюда попала, – сказала она, и это было почти правдой.

– Не помнишь, – Кэйя кивнул с таким видом, будто слышал это каждый день. – Амнезия. Классика. Дальше.

– Я проснулась на холме. За рекой. Там были хили... были монстры. Я убежала. Упала в реку. Пришла сюда.

Кэйя молчал, продолжая разглядывать её. Мия чувствовала себя бабочкой, приколотой булавкой к картону.

– Одежда, – сказал он, наконец. – Интересная. Я повидал много стран и много мод, но такого не встречал. – Он указал на Тоторо. – Это зверь?

– Это... персонаж. Из... сказки. Из моей страны.

– И что за страна?

Мия замялась. Её страны он не знает. Сказать «из другого мира»? Решит, что она сумасшедшая. Или хуже – заинтересуется и начнёт копать.

– Далёкая, – сказала она. – Очень далёкая.

Кэйя усмехнулся. Встал, отряхнул колено.

– Что ж. Далёкая страна, потеря памяти, странная одежда. Набор, конечно, подозрительный. Но ты не похожа на шпионку.

Он помолчал, будто давая ей шанс признаться, что она

всё-таки шпионка. Мия молчала, стуча зубами.

– Ты больше похожа на промокшего котёнка, – заключил Кэйя. – И от тебя пахнет речной тиной. Без обид.

– Без обид, – повторила Мия.

Кэйя прислонился к стене, скрестив руки на груди.

– Вот что я сделаю. Посажу тебя в камеру...

Сердце ухнуло вниз.

– ...шучу.

Он ослепительно, по-мальчишески улыбнулся и на секунду стал похож не на опасного разведчика, а на старшеклассника, который подкалывает младших ребят.

– У нас нехватка персонала по всему городу. Рыцарям не до бродяжек. Магистр Джинн завалена бумагами по уши, а я, признаться, не горю желанием заполнять формуляры о задержании несовершеннолетних. Ты умеешь мыть посуду?

– Что?..

– Кружки. Бокалы. Тарелки. Плоские такие штуки, на которых лежит еда.

– Я? Да...

– Отлично. В таверну «Доля Ангелов» на городской площади нужна официантка. Работа за еду и крышу над головой. Лучшее, что я могу предложить, пока мы не разберёмся, кто ты и откуда.

Он подмигнул единственным глазом:

– И постарайся не воровать столовое серебро. Владелец этого не одобрит.

Ей дали сухую одежду – простое платье горничной, грубое, коричневое, но чистое и, главное, сухое. Тонкий плащ. Башмаки на два размера больше, и Мия шаркала в них, как клоун.

Ронда – пожилая женщина из штата Ордо Фавониус, отвечающая за хозяйственные нужды, – отвела её в умывальню, сунула в руки полотенце и кусок мыла.

– Вымойся. Вычеши тину. Ты выглядишь так, будто тебя река выплюнула.

– Можно сказать, так и есть, – ответила Мия.

Женщина хмыкнула, но во взгляде мелькнуло что-то тёплое.

– Поешь потом на кухне. Скажи, что я разрешила.

Мия мылась долго. Вода была холодной – горячую, видимо, грели отдельно, и среди ночи этим никто не занимался. Но даже холодная вода смыла грязь, тину и речной запах. Мия стояла в каменной умывальне, босая, мокрая, и смотрела на своё отражение в тусклом медном зеркале.

Обычное лицо. Круглое, с веснушками на носу. Тёмные глаза. Мокрые каштановые волосы, которые без фена завивались в нелепые кудряшки. Ни капли героического. Ни капли. «Попаданки в книжках всегда красивые. Длинные ноги, осиная талия, загадочные глаза. А я... Тейват, ты точно ошибся адресом».

Она натянула сухое платье, закатала рукава, вошла в ги-

гантские башмаки и пошла на кухню.

Там её ждали хлеб с сыром и кружка молока. Простейшая еда, но самая вкусная в её жизни. Пока Мия ела, её руки тряслись, а слёзы капали в молоко. Она не могла остановить ни то, ни другое. «Мама сейчас спит. Она ещё не знает. У меня есть несколько часов до утра, когда она проснётся и зайдёт в мою комнату, и...»

Мия положила хлеб на стол. Аппетит пропал.

«Я вернусь. Я обязательно вернусь. Я найду способ. Здесь есть магия, Архонты, алхимики – кто-нибудь должен знать, как вернуть человека домой. А пока мне нужно выжить. Просто выжить».

Она допила молоко, вымыла кружку и пошла за Рондой, которая отвела её в крошечную комнату – скорее, каморку с узкой кроватью, табуретом и малюсеньким окном.

– Спи. Утром пойдёшь в «Долю Ангелов». Спросишь Чарльза – он бармен. Он в курсе. Капитан Кэйя уже послал записку.

– Спасибо, – сказала Мия, и голос дрогнул на последнем слог.

Ронда посмотрела на неё с серьёзным видом.

– Всё будет хорошо, деточка, – сказала она и вышла.

Мия легла на кровать: тонкий матрас, колючее одеяло, подушка, набитая чем-то хрустящим – соломой? Травой?

Потолок был каменный и низкий, с трещиной в форме молнии.

«Я в Тейвате. Где-то в этом городе сейчас спит Джинн, завтра утром она сядет за свой стол и будет разбирать жалобы горожан. Где-то бродит Венти, наигрывая на лире мелодии, которым тысяча лет. Где-то Лиза читает книгу, лёжа на диване в библиотеке, и ей лень вставать за чаем. И где-то здесь, в этом городе, или за его стенами, на винокурне...»

Она зажмурилась.

«Нет. Не думай о нём. Не думай. Он персонаж. Пиксели. Выдумка. То, что ты мейнила его два года и знаешь наизусть каждую его реплику – это ничего не значит. Это. Ничего. Не. Значит. Это всё, чёрт побери, просто очень странно».

Но сердце стукнуло чуть сильнее – предательски, глупо, по-девчачьи. Мия натянула одеяло на голову. «Господи. Из всех миров. Из всех вселенных. Я попала именно в тот, где живёт мой нарисованный кумир».

В конце концов, она уснула. Провалилась в сон мгновенно и без сновидений.

* * *

Наступило утро. Мия проснулась от солнца – тонкий луч нашёл щель в ставне и упёрся ей прямо в глаз, как указательный палец: «Вставай».

Она села. Всё та же каморка. Каменные стены. Колючее одеяло. Башмаки не по размеру у кровати.

Точно не сон. Мия медленно выдохнула, потёрла лицо ладонями. «День первый. Поехали».

Она нашла умывальню (заблудилась дважды, один раз за-

шла в оружейную – копыя! настоящие копыя в стойках! – и один раз в кладовку с метлами). Умылась. Попыталась пригладить волосы – бесполезно: без расчёски они превратились в воронье гнездо. Завязала в узел на затылке, закрепив щепкой. «Красота. Просто принцесса».

Мия вышла на улицу и увидела настоящий утренний Мондштадт.

Она остановилась на ступенях штаба и на несколько секунд забыла обо всём – о страхе, о маме, о том, что она застряла в другом мире без малейшего плана.

Город был живой и самый реальный. Не игровые декорации. Не красивый, но пустой набор текстур. Живой, шумный, пахнущий, дышащий город. Булыжная мостовая, мокрая после утренней росы. Деревянные ставни, распахнутые настежь. Корзины с хлебом у дверей пекарни. Женщина, развешивающая бельё на верёвке между домами. Дети, бегущие по площади с криками. Старик с тростью, сидящий на лавке и кормящий голубей.

И ветер – совсем не тот, который морозил её ночью. Это был мягкий, тёплый, ласковый и пахнущий цветами ветер Мондштадта, города свободы.

Мия стояла на ступенях и улыбалась, как дура, с мокрыми глазами и щепкой в волосах. «Ладно. Может, это не так уж и плохо. Может быть».

Она спустилась на площадь и пошла искать «Долю Ангелов». Найти было несложно – таверна стояла прямо на го-

родской площади, рядом с фонтаном. Двухэтажное здание, каменное внизу, деревянное сверху, с вывеской, на которой были нарисованы бокал вина и крыло. Дверь открыта, изнутри пахло деревом, хмелем и чем-то жареным.

Мия вошла и увидела ту же стойку, что была в игре, те же столы и стулья. А ещё – полки с сотнями бутылок, разных форм и цветов, с этикетками, написанными от руки. За стойкой стоял плотный и усатый мужчина средних лет, с усталым, но добродушным лицом. Чарльз.

– Ты от капитана Кэйи? – спросил он, не поднимая глаз от бокала, который протирал полотенцем.

– Да...

– Фартук на крючке. Подносы на полке. Меню на доске. Если возникнут вопросы, обращайся ко мне. Тарелки не бить.

– Я постараюсь.

Чарльз поднял глаза. Посмотрел на неё. Вдохнул.

– Почему мне кажется, что это обещание ты не сдержишь?

* * *

Он оказался прав.

В первый же день Мия разбила два бокала. Один уронила сама – руки были мокрые от мытья, и бокал просто выскользнул, как живой. Второй смахнула локтем, разворачиваясь с подносом. Каждый раз она подметала осколки, извиняясь перед Чарльзом, который только качал головой.

Во второй день – ещё один бокал и тарелку. В третий –

только тарелку, и Мия решила, что это прогресс.

Работа была тяжёлой. Не физически – хотя и физически тоже, ноги к вечеру гудели, а плечи ныли от подносов. Тяжёлой – морально. Мия не привыкла разговаривать с незнакомыми людьми. Даже в школе она сидела на задней парте и особо ни с кем не общалась, только играла в телефоне. А здесь нужно было подходить к столам, улыбаться, записывать заказы, приносить еду, убирать грязную посуду. Снова улыбаться и ничего не ронять. Но получалось плохо.

Она путала столы. Приносила «Яблочный сидр» вместо «Огненной воды». Один раз пролила суп на колени торговцу из Ли Юэ – он ругался целых пять минут, а Мия стояла и мечтала о конце света.

Но были и хорошие моменты. Маленькие, тёплые, как горсть песка на ладони.

Чарльз был ворчливый, но не злой. Он не кричал на неё за разбитую посуду, только вздыхал. Иногда оставлял ей сэндвич и кружку молока на кухне – «Ешь, а то ветром сдует». Горожане тоже оказались совершенно обычными люди, а не NPC. Они смеялись, сплетничали, жаловались на погоду, хвалили вино и ругали рыцарей. Они были живыми и настоящими.

Мия слушала их разговоры и жадно впитывала любую информацию – каждое имя, каждую деталь, каждый обрывок новостей. Она собирала мир по кусочкам, как пазл, сверяя с тем, что знала из игры. Почти всё совпадало. Почти. Были и

отличия. Мелкие, как трещинки в стекле. Некоторых персонажей она не узнавала – новые лица, новые имена. Некоторые улицы выглядели иначе, чем в игре. И воздух здесь был живой, меняющийся, пахнувший по-разному каждый час.

Странно было определить время. Мия пыталась понять, в какой точке сюжета она оказалась. Двалин уже атакует окрестности? Путешественник уже прибыл? Она прислушивалась к разговорам, но пока ничто не указывало на начало основного сюжета. Значит, она попала сюда до событий игры. Рано. Может, за недели, может, за месяцы.

Это давало ей время. Но пугало.

* * *

На четвёртый день Мия работала в вечернюю смену. В таверне было шумно, дымно и весело. Её заполнили рыцари после дежурства, торговцы, и просто авантюристы. Кто-то пел в углу, фальшиво и с душой.

Мия лавировала между столами с подносом, на котором балансировали четыре кружки пива, и молилась всем Архонтам сразу, чтобы не споткнуться.

Дверь таверны открылась. Ничего особенного. Дверь открывалась сотню раз за вечер. Но Чарльз за стойкой чуть выпрямился. Разговоры за ближайшими столами стихли на полтона. Воздух изменился – стал плотнее и теплее, будто кто-то принёс с собой невидимый огонь.

Мия обернулась и весь мир замер.

Высокий, с прямой осанкой, в тёмном камзоле с крас-

ной подкладкой он стоял в дверях. Красные волосы, собранные в низкий хвост, падали на спину, как языки пламени. Кожа бледная, скулы резкие, губы сжаты в линию. И эти тёмно-красные глаза, цвета остывающих углей. Дилюк Рагнвиндр.

Мия знала каждую линию этого лица. Она изучала его два года – на артах, на скриншотах и на разных видео. Она знала, что у него есть маленький шрам на левой брови (фанатский хедканон). Она знала его день рождения (тридцатое апреля). Она знала, что он пьёт виноградный сок, а не вино, хотя владеет лучшей в Мондштадте винокурней.

Но она не знала реальных деталей его образа.

Не знала, как точно, без лишней жестикующии, он двигается. Или, как он пахнет (Мия почувствовала, когда он прошёл мимо): дымом, виноградом, чем-то тёплым и горьковатым, как тлеющий уголь. Не знала, как звучит его голос в реальности – не чья-то озвучка в записи, а живой низкий голос, произносящий:

– Чарльз. Отчёт за неделю.

Только несколько деловых и сухих слов. Никакой романтики.

У Мии подкосились колени. Поднос накренился. Четыре кружки пива качнулись, как пассажиры на палубе тонущего корабля, и поехали к краю. Время замедлилось. Она видела, как первая кружка отрывается от подноса, как пиво выплёскивается золотистой волной, как вторая кружка следует за

ней, как третья...

А потом: звон, плеск и грохот.

Четыре кружки на полу. Точнее, их осколки. Лужа пива, растекающаяся по камню. И тишина. Вся таверна смотрела на неё.

Мия стояла с пустым подносом в руках, красная, как закат над Мондштадтом, и хотела раствориться в воздухе. Прямо здесь. Прямо сейчас. Быстро и без лишних вопросов.

Дилюк обернулся. Посмотрел на неё. На лужу. На неё. Его лицо ничего не выражало: ни раздражения, ни насмешки, ни сочувствия. Просто взгляд, спокойный, как поверхность озера в безветренный день.

– Новенькая? – спросил он Чарльза, не отводя глаз от Мии.

– Да, сэр. Четвёртый день только.

– Понятно.

Он отвернулся. Сел за стойку и открыл папку с отчётами. Всё. Разговор окончен. Мия перестала для него существовать – если вообще начинала.

Она стояла посреди пивной лужи с подносом, горящими щеками и бешено колотящимся сердцем, и думала:

«Я только что уронила четыре кружки пива перед Дилюком Рагнвиндром. Перед ДИЛЮКОМ. РАГНВИНДРОМ. В первую же встречу. Четыре кружки. На глазах у всей таверны. В фанфиках героини обычно спасают ему жизнь. Или поражают его своим умом. Или хотя бы выглядят загадочно.

А я стою в луже пива в платье горничной и огромных башмаках. Что со мной не так?»

Чарльз кашлянул.

– Тряпка под стойкой. Второй ящик слева.

Мия кивнула, поставила поднос и пошла за тряпкой, поскользываясь в пиве.

Она вытирала пол, собирала осколки (порезала палец, зашипела, сунула в рот), и всё это время чувствовала затылком его присутствие. Дилюк сидел за стойкой, пил виноградный сок (она была права – сок, не вино), листал отчёты и не смотрел на неё. Ни разу.

Когда он ушёл – тихо, кивнув Чарльзу, не бросив на Мию даже мимолётного взгляда, – она сидела на корточках за стойкой и со всей силы сжимала тряпку, сама того не замечая

– Чарльз, – сказала она.

– Что?

– А он... часто заходит?

Тот посмотрел на неё поверх бокала, который протирал (он, кажется, всегда протирал бокал – это был его способ медитации).

– Хозяин? Раз в несколько дней. Проверяет дела.

– Хозяин?..

– Мастер Дилюк. Владелец этой таверны. И винокурни «Рассвет». И ещё половины виноградников в округе.

Мия знала это. Конечно, знала. Но одно дело – строчка в описании персонажа, и совсем другое – стоять в его таверне,

в его городе, дышать его воздухом.

– Он всегда такой... – она подыскала подходящее слово, – серьёзный?

Чарльз тяжело, со знанием дела, вздохнул.

– Мастер Дилюк – хороший человек. Но нелёгкий. Не принимай близко к сердцу, если он не улыбается тебе. Он никому не улыбается.

«Никому».

Мия мысленно пролистала все фанфики, которые читала. Все арты, на которых Дилюк улыбался – мягко, тепло, с нежностью в глазах. Фанатские фантазии. Ничего общего с реальностью.

Реальность – это мужчина с глазами цвета остывающих углей, который посмотрел на неё, как на предмет мебели, и вернулся к своим отчётам.

«И всё равно, – подумала Мия, убирая тряпку, – всё равно у меня колотится сердце. Я безнадежна».

Она закончила смену, вымыла руки, съела холодный сэндвич, оставленный Чарльзом, и пошла в свою каморку в штабе рыцарей. Легла в кровать и уставилась в потолок.

«День четвёртый в Тейвате. Итоги: разбито бокалов – девять штук. Тарелок – три. Но есть один плюс: встречен краш всей жизни. Впечатление произведено – катастрофическое».

Она перевернулась на бок и обняла подушку. «Ничего. Завтра будет лучше. Наверное. Может быть. Скорее всего нет, но попробовать-то можно?..»

За окном шумел ветер. Мوندштадт засыпал. Внизу, на площади, лаяла собака. Где-то тихо и нежно звенела лира, но Мия не узнавала эту мелодию. Она закрыла глаза.

«Мама. Я обязательно вернусь. Обещаю. Только... не сразу. Мне нужно сначала понять, зачем я здесь. И как вернуться. И выжить. И не разбить все бокалы в «Доле Ангелов». И не влюбиться ещё сильнее».

«Хотя с последним, кажется, уже поздно».

Глава 2. Прощай спокойная жизнь

Дни потекли, как вода в мондштадтских каналах: быстро, мутно и без остановки.

Мия считала их по разбитым бокалам. Пятый день: один бокал. Шестой: ноль (личный рекорд, она чуть не расплакалась от гордости). Седьмой: два, но один из них толкнул локтем пьяный авантюрист, так что это не считается. Восьмой: тарелка, но маленькая. Чарльз перестал вздыхать и начал просто молча ставить на полку запасную посуду.

Работа в «Доле Ангелов» была похожа на плавание в бушующем море. Каждый день Мия боялась утонуть и каждый день каким-то чудом не тонула. Она путала заказы, забывала столы, один раз принесла трём рыцарям по кружке молока вместо пива (они посмотрели на неё так, будто она оскорбила их честь, их орден и лично Барбатоса).

Но она училась. Запоминала, какие блюда популярны (стейк с перцем, тост рыбака, куриные шашлычки с грибами, яблочный сидр). Запоминала постоянных посетителей: рыцарь Свон, который всегда садился у двери, торговец Блэнш, который заказывал только белое вино, старик Вагнер, который заходил после закрытия кузницы и молча пил медовуху, уставившись в стену.

Мондштадт постепенно принимал её - не с распростёртыми объятиями, а буднично, между делом. Новая официант-

ка в «Доле Ангелов», неловкая, тихая, немного странная. Ну и ладно. Мало ли странных людей заносит ветром в город свободы.

По утрам, до начала смены, Мия бродила по городу. Трогала стены домов (камень, нагретый солнцем, шершавый под пальцами). Сидела у фонтана на площади, слушая плеск воды. Заходила в лавку «Хороший охотник» просто посмотреть на прилавок с мясом и овощами. Однажды забрела в собор Барбатоса и простояла десять минут перед витражным окном, задрав голову, пока шея не заболела.

Всё было настоящим. Каждый камень, каждый запах, каждый блик солнца на воде. И с каждым днём надежда проснуться в своей кровати в родном доме становилась всё тоньше, как лёд на весенней луже.

Мия старалась не думать о маме, но не получалось. По ночам, лёжа в каморке, она утыкалась лицом в подушку и представляла, как мама стоит в её комнате, смотрит на пустую кровать, на включённый компьютер, и не понимает. Звонит на телефон, а он отзывается трелью рядом, в комнате. Ищет номера подруг, но у Мии нет подруг. Звонит в школу. Звонит в полицию. «Пропала дочь. Семнадцать лет. Каштановые волосы. Веснушки на носу. Последний раз видели дома, вечером, за компьютером». Мия кусала губы и молчала, потому что плакать в голос было нельзя: стены тонкие, за стеной спал дежурный рыцарь. «Я вернусь. Я обязательно вернусь. Только сначала мне нужно понять, как».

Она пыталась. Осторожно, не привлекая внимания, расспрашивала посетителей таверны о странных явлениях, о порталах, о людях, которые появлялись из ниоткуда. Ничего полезного. Один подвыпивший авантюрист рассказал байку о том, как его друг упал в Артерию Земли и вынырнул за три лиги от того места, но это было не совсем то.

Мия думала об Альбеде. Главный алхимик Ордо Фавониус, гений, исследователь, человек, для которого слово «невозможно» было просто задачей, ещё не решённой. Если кто и мог помочь ей разобраться в природе перемещения между мирами, то он. Но Альбеде работал на Драконьем Хребте, высоко в горах, куда Мия не могла добраться. Она не выжила бы там и часа. Она едва выживала в таверне.

Пока что у неё был только один план: держаться, ждать и не разбить всю посуду в «Доле Ангелов».

С последним пунктом было сложнее всего.

Дилюк приходил. Не каждый день. Раз в три-четыре дня, обычно вечером и ненадолго. Заходил, садился за стойку, просматривал отчёты с Чарльзом, выпивал стакан виноградного сока и уходил. Тихо, деловито, не задерживаясь. Он был подобен погодному явлению, которое просто случается, и ты ничего не можешь с этим поделать.

Каждый раз, когда дверь таверны открывалась, и в проёме появлялась высокая фигура в тёмном камзоле, у Мии происходил один и тот же сбой системы. Сердце ускорялось, щёки

покрывались румянцем, а пальцы, наоборот, немели. И что бы ни было в руках, оно начинало жить собственной жизнью: подносы кренились, бокалы звенели, ложки выпрыгивали из рук, как скользкая рыба.

Она ничего не могла с этим поделать. Это было как аллергия, только вместо пылцы аллергеном был красноволосый владелец винокурни с голосом, от которого у неё слабели колени. «Мне семнадцать лет, – говорила она себе, вытирая очередную лужу. – Семнадцать. Это нормально. Это гормоны. Это пройдёт». Но не проходило. Более того: с каждым визитом становилось только хуже. Потому что Дилюк в жизни был не таким, как в игре. В игре он был набором характеристик: сильный, серьёзный, замкнутый. Красивый арт, красивая озвучка. Просто персонаж. Здесь он был настоящим человеком. Человеком, у которого на тыльной стороне ладони был тонкий шрам – белый, застарелый. Который сидел за стойкой и крутил в пальцах стакан с соком, не замечая, что делает это. Который хмурился, читая отчёты, и складка между бровей становилась такой глубокой, будто он пытался прожечь бумагу взглядом. Который иногда, редко, очень редко, говорил Чарльзу что-то негромкое, а тот фыркал от смеха, хотя по лицу Дилюка сложно было определить, когда он шутит.

Мия наблюдала за ним из-за стойки, столов и подносов. Украдкой, быстрыми взглядами, как вор, хватающий горсть золота и тут же прячущий руку за спину. Он никогда не смот-

рел на неё. Ни разу за все эти дни. Она была для него частью мебели, даже меньше. Мебель он хотя бы замечал, когда двигал стул. «И правильно, — думала Мия, драя столы после закрытия. — Он владелец винокурни, бывший рыцарь, Полночный Герой Мондштадта. А я кто? Официантка, которая не может пронести поднос, не разбив хотя бы один бокал. С какой стати ему на меня смотреть?»

С такой, что сердце всё равно ныло, не давая покоя.

Но однажды кое-что произошло, что поменяло ход событий.

Был вечер. Таверна, как обычно, гудела, повсюду раздавался звон бокалов. Мия металась между столами, уже почти ничего не роняя (прогресс!). За стойкой Чарльз привычно протирает бокал.

За угловым столом, у стены, сидели двое. Мия заметила их ещё час назад и с тех пор старалась держаться подальше. Что-то в них было неправильное. Слишком тихие, слишком внимательные. Их взгляды обшаривали таверну, не задерживаясь ни на чём, но всё фиксируя. Одеты они были в дорожную одежду, неприметную, но слишком новую для путников, слишком чистую. Мия знала этот тип. В игре они назывались «подозрительные незнакомцы» и обычно оказывались агентами Фатуи.

«Нет. Нет-нет-нет. Я не буду думать об этом. Я всего лишь официантка. Моё дело, чтобы бокалы стояли на столах, а не

лежали на полу. Не моё дело, кто и зачем сидит в углу». Она принесла им заказ (два пива, хлеб с сыром), стараясь не плясать. Руки, конечно же, предательски тряслись. Кружка стукнула о стол чуть сильнее, чем нужно. Один из них поднял на неё взгляд. У него были серые, холодные, и оценивающие глаза.

– Новенькая?

Мия кивнула, не открывая рта.

– Давно в городе?

– Н-недавно.

– Откуда?

Вопрос был задан небрежно, но Мия почувствовала, как волосы на руках встали дыбом. Так разговаривают люди, которые собирают информацию. Шпионы.

– Издалека, – сказала она и отошла, прежде чем он успел спросить что-то ещё.

Руки дрожали. Она поставила поднос на стойку и сделала вид, что протирает её. «Фатуи? Здесь, в таверне? Зачем? Они ищут кого-то? Следят за чем-то? За кем-то? За мной?» Мысль была параноидальной. Никто не знал о ней. Никто не мог знать. Она обычная девушка, которая появилась из ниоткуда. Таких в Мондштадте, городе свободы, наверняка десятки. Но те серые глаза...

Мия дождалась конца смены. Двое за угловым столом ушли раньше, оставив на столе точную сумму – ни монетой больше. Она убрала со стола и обнаружила под тарелкой

ключок бумаги. Записку. Мелкий почерк, несколько строк на тейватском (который, к счастью, она понимала так же легко, как родной язык).

«Объект не обнаружен. Наблюдение продолжается. Странная энергетическая аномалия в районе Мыса Ветров подтверждена. Требуется дополнительная разведка».

Сердце остановилось. Энергетическая аномалия. Мыс Ветров. Там, где она проснулась. Они искали не её. Они искали место, куда она попала. Или откуда. Трещину. Разлом. Точку, через которую она провалилась в Тейват. А значит, рано или поздно они найдут и её. Мия сунула записку в карман фартука и быстро огляделась. Никто не видел. Чарльз мыл стаканы, стоя к ней спиной. В таверне оставались только двое последних посетителей, допивающих эль.

«Что делать? Рассказать рыцарям? Кэйе?» Нет. Кэйя начнёт задавать вопросы. Откуда она знает про Фатуи. Откуда знает, что записка важна. Откуда вообще знает слово «аномалия» в этом контексте. «Дилюку?» Мысль была абсурдной. Дилюк не знал о её существовании. Он видел её только мельком и, скорее всего, забыл через пять секунд. «Значит, пока молчу. Прячу записку. Наблюдаю. Если Фатуи появятся снова, тогда...» Тогда что? Мия не знала. Она не была героиней. Не была шпионкой, воином или стратегом. Она была семнадцатилетней девчонкой с тройкой по физре и привычкой ронять бокалы.

Через пару дней Дилюк пришёл в таверну не один. Мия услышала его раньше, чем увидела. Точнее, услышала Кэйю. Голос кавалерийского капитана было трудно с чем-то спутать: мягкий, ленивый, с этой вечной ухмылкой, которая слышалась даже в интонации.

— ...и я говорю, что это нужно обсудить, а ты говоришь, что тебе неинтересно, а я говорю, что тебе должно быть интересно, а ты...

— Кэйя.

Только одно слово, произнесённое низким голосом — таким ровным, как линия горизонта. И Кэйя замолчал. Не потому что испугался, нет. Потому что знал: когда Дилюк произносит своё имя таким тоном, дальнейший разговор бессмысленен.

Они вошли в таверну. Дилюк впереди, Кэйя за ним. Мия стояла у стойки со стопкой чистых тарелок и смотрела, как они идут в её сторону: два высоких, красивых, совершенно непохожих друг на друга человека, между которыми висело столько невысказанного, что воздух звенел от напряжения.

Она знала их историю. Знала, что они были названными братьями. Что Крепус взял Кэйю в дом ребёнком. Что после смерти Крепуса что-то между ними сломалось, тихо и непоправимо.

Здесь, вживую, это было намного заметнее, чем на экране. Кэйя улыбался, шутил, облакачивался на стойку с таким видом, как будто ему ни до чего нет дела. Однако выраже-

ние лица, с которым он смотрел на Дилюка, ясно говорило о желании быть ближе к брату. Но он не имел возможности сделать даже шаг.

Дилюк сел за стойку. Кэйя сел рядом, оставив между ними один пустой стул.

– Чарльз, виноградный сок для хозяина и «Полуночную розу» для меня, – Кэйя постучал пальцем по стойке. – И что-нибудь перекусить. Что есть?

– Стейк с перцем, тосты рыбака, сырная нарезка, – ответил Чарльз.

– Сырную нарезку. И оливки, если есть.

Чарльз кивнул Мие. Это означало: «Неси». Мия оторвала взгляд от Дилюка (она, оказывается, пялилась последние тридцать секунд и только сейчас это осознала). Пошла на кухню. Руки тряслись. Колени тряслись. Всё тряслось. «Соберись. Ты просто несёшь сыр. Сыр и оливки. Ничего сложного. Поставить тарелку на стойку. Не уронить. Не уронить. НЕ УРОНИТЬ».

Она вернулась с тарелкой. Поставила перед Кэйей. Не уронила. Маленькая победа. Потом вернулась с высоким, прозрачным стаканом, наполненным виноградным соком насыщенного бордового цвета. Она поставила его на стойку перед Дилюком. Пальцы едва заметно дрожали, но стакан встал ровно. Ни капли не пролилось. Дилюк не поднял глаз. Он, нахмурившись, читал какую-то бумагу и просто взял стакан, не глядя. Его пальцы задели её пальцы. На полсекунды.

Случайно. Он даже не заметил. А Мия заметила. Её рука отдёргнулась, как от ожога. Щёки вспыхнули. Она отступила на шаг, споткнулась о собственную ногу и врезалась спиной в полку с бутылками. Та качнулась, и три бутылки звякнули друг о друга, но, слава Барбатосу, не упали.

Кэйя поднял бровь. Дилюк поднял глаза. И впервые за две недели посмотрел на неё. По-настоящему посмотрел. Не скользнул взглядом, а остановился, задержался, увидел. Мия стояла у полки, красная до ушей, вцепившись в край стойки, и мечтала о том, чтобы пол разверзся и поглотил её. Но пол был каменный и надёжный, как назло.

Дилюк смотрел на неё три секунды. Потом снова вернулся к бумаге. Три секунды. Целая вечность. Кэйя опустил взгляд в свой бокал, и Мия заметила, что уголок его рта дрогнул. Она сбежала на кухню и стояла там, прижавшись лбом к холодной стене. Вдох, выдох. Вдох, выдох. «Его пальцы тёплые. Горячие, даже. Пиро... Он обладатель Пиро-способностей. Конечно, у него руки тёплые. Это элемент. Это физика. Это никакая не романтика. Это. Просто. Элемент».

Но пальцы, которых он коснулся, покалывали ещё минут десять.

Когда она вернулась в зал, Кэйя и Дилюк негромко разговаривали. Точнее, Кэйя говорил, а Дилюк слушал, что для него, видимо, было привычным состоянием.

Мия протирала стол неподалёку и слышала обрывки фраз.

– ...ещё один случай. Ферма к югу от Вольфендома. Три овцы, мертвы. Чёрные следы на шкуре, как трещины. Фермер клянется, что ночью видел тёмное свечение у опушки.

Мия замерла с тряпкой в руке. Чёрные трещины, те самые. Скверна.

Дилюк молчал. Потом сказал тихо, так что Мия едва слышала:

– Четвёртый случай за две недели.

– Пятый, – поправил Кэйя. – Если считать мёртвых лис у Тысячелетней Скалы. Джинн отправила патруль, но ничего не нашли. Ни следов монстров, ни магических ловушек. Только мёртвые животные и эти трещины.

– Что говорит Лиза?

– Говорит, что энергетический след не похож ни на один известный элемент. Не Крио, не Электро, не Гео. Что-то другое. Она назвала это «инверсной элементальной коррозией», но мне кажется, она сама не до конца уверена.

Наступила тишина. Мия слышала как Дилюк медленно, по кругу, крутит стакан пальцами.

– Я займусь этим, – сказал он.

– Как официальное лицо или как Полуночный Герой? – Кэйя задал вопрос беззаботно, но он прозвучал, как очередная острота.

Дилюк не ответил. Допил сок и встал.

– Чарльз, запри таверну как обычно. Я зайду позднее.

Он, не оглядываясь, вышел. Тёмный камзол мелькнул

в дверном проёме и пропал. Кэйя остался допивать вино. Он задумчиво крутил бокал за ножку, рассматривая тёмно-красную жидкость на свет.

– Знаешь, – сказал он, не поворачивая головы, – подслушивать нехорошо.

Мия вздрогнула. Тряпка выпала из пальцев. Кэйя обернулся и посмотрел на неё с этой своей ленивой и всезнающей улыбкой.

– Я не...

– Ты стояла с одной и той же тряпкой на одном и том же месте последние пять минут. Стол уже чище, чем в день покупки.

Мия подобрала тряпку. Щёки горели.

– Простите. Я просто... задумалась.

– Угу, – Кэйя кивнул и сделал глоток вина. – Чёрные трещины. Интересная тема для задумчивости, правда?

Мия молча ушла на кухню. Сердце стучало так громко, что, казалось, его было слышно через стену.

Кэйя всё знал. Или подозревал. Или просто проверял её. С ним никогда нельзя было сказать наверняка.

Ночью Мия не могла уснуть. Она лежала в каморке, смотрела в потолок и думала. Мысли крутились быстро и по кругу, как белка в колесе. Чёрные трещины, скверна. Та же сила, что была в Глазах Порчи, в тех проклятых артефактах, один из которых убил Крепуса. Это она знала из игры. Только там

Скверна не проявлялась так странно и так быстро. Сейчас, в этот период, такого быть не могло. Мёртвые животные с чёрными следами на шкуре? Тёмное свечение у опушки леса? Энергетическая аномалия на Мысе Ветров? Этого вообще не было в каноне. А значит, это связано с ней.

Записка Фатуи в кармане фартука. «Энергетическая аномалия в районе Мыса Ветров подтверждена». Фатуи тоже заметили. Фатуи тоже ищут.

«Я попала сюда через трещину. Трещина всё ещё открыта. И через неё лезет Скверна. Это из-за меня. Я принесла это сюда. Я...»

Она перевернулась на живот, уткнувшись лицом в подушку.

«Нет. Стоп. Я не знаю наверняка. Может, это совпадение. Может, трещина уже закрылась. Может, Скверна тут по другой причине. Я не учёный, не алхимик, не маг. Я просто играла в компьютерную игру и проснулась не в той вселенной».

Но внутри, там, где жила интуиция, тихий голос говорил: «Это не совпадение. Ты знаешь, что не совпадение».

Мия достала записку Фатуи из-под подушки (она положила её туда на ночь, не найдя лучшего тайника). Перечитала в лунном свете. «Объект не обнаружен. Наблюдение продолжается». Объект. Что они ищут? Саму трещину? Или что-то, что прошло через неё? «Меня?»

Холод прошёл по спине, несмотря на одеяло. Мия спрятала записку обратно, натянула одеяло до подбородка и за-

крыла глаза. «Я подумаю об этом завтра. Сейчас надо спать. Утром смена, бокалы и подносы. Сырная нарезка. И, может быть, Дилюк придёт».

Эта мысль, глупая и несвоевременная, заставила её сердце отозваться теплом. Она ухватилась за неё, как за спасательный круг, и уснула.

На следующий день Мия чуть не умерла. Дважды.

Это случилось вечером, после закрытия таверны. Чарльз ушёл раньше, оставив ей ключ и наказ: «Домой посуду, запри дверь, а ключ положи под коврик». Мия вымыла последнюю тарелку, вытерла руки, повесила фартук на крючок и вышла на площадь.

Мондштадт ночью был тихим. Фонари горели тёплым жёлтым светом. Ветер нёс запах цветов из сада Флоры. Где-то мяукала кошка. Далеко, за пределами города, звенела лира.

Мия пошла к штабу рыцарей: через площадь, мимо фонтана, по переулку вдоль кузницы, потом налево, через арку. Она вошла в тёмный переулок. Фонарь в этом месте не горел, видимо, масло кончилось. Мия ускорила шаг, как вдруг позади раздались шаги. Она обернулась. Никого. Тени от крыш, пятна лунного света на камне. Пусто.

Мия пошла дальше ещё быстрее.

Шаги слышались снова. И ближе. Она побежала. Башмаки, на два размера больше, хлопали по мостовой, как ла-

сты. Арка впереди, за ней фонарь, за ним площадь перед штабом рыцарей.

Рука схватила её за плечо. Мия вскрикнула. Её развернули и впечатали спиной в стену переулка. Перед глазами мелькнуло лицо: серые глаза, плотно сжатые губы. Один из тех двоих, из таверны.

– Тихо, – сказал он негромко. – Тихо, девочка. Мы просто поговорим.

Второй стоял чуть позади, перекрывая выход из переулка. Руки в карманах, взгляд спокойный, профессиональный.

Мие стало трудно дышать. Этот человек держал её за плечо крепко, будто клещами.

– Ты же недавно работаешь в таверне, – сказал сероглазый. – И так и не сказала откуда ты.

– Из... далеко... я просто...

– Ты появилась в городе две недели назад. Без документов, вещей и без прошлого. Интересное совпадение. Именно тогда произошёл энергетический всплеск на Мысе Ветров. Очень интересное совпадение, правда?

Мия замотала головой. Слёзы навернулись на глаза.

– Я ничего не знаю! Я просто заблудилась, я...

– Ты лжёшь, – сказал он без злости, почти ласково. – Но это ничего. Мы умеем работать с ложью. Пойдёшь с нами тихо и без глупостей.

Второй шагнул ближе.

У Мии не было оружия, каких-либо навыков, силы или

хотя бы плана на такой случай. Ничего. Её, слабую и сопли-
вую девчонку, просто прижали к стене два взрослых мужи-
ка, которые делали это не в первый раз.

Она вдохнула, чтобы закричать, но ей сразу же зажали рот.

– Я же сказал, – сероглазый наклонился ближе, – веди себя тихо.

Внезапно воздух стал горячим, и Мия ощутила рядом с собой волну яростного жара – будто распахнулась дверца разогретой духовки. Потом раздались жуткие звуки: тяжё-
лый удар, хруст, чей-то вскрик.

Рука, зажимавшая ей рот, исчезла. Мия сползла по стене и увидела картину, которая навсегда отпечаталась в её памяти.

В переулке стоял Дилюк, но он не был похож на того нари-
сованного героя. Никакого парадного сияния, никаких кра-
сивых поз и пафосных реплик. Он стоял, широко расставив
ноги и держа огромный двуручный меч. Лезвие светилось
живым огнём. Тени на лице делали Дилюка старше и страш-
нее, а ведь ему было едва больше двадцати. Обычно спокой-
ные глаза тоже горели – яростью.

Один агент лежал у противоположной стены переулка.
Второй, сероглазый, отступал, держась за обожжённую руку.

– Маст... Рагнвиндр, – сероглазый попытался улыбнуться.
– Мы просто разговаривали с девушкой. Ничего серьёзного.
Дилюк не ответил. Он сделал один тяжёлый шаг вперёд.
Сероглазый перестал улыбаться.

– Это дела Фатуи, – его голос изменился, стал жёстче. – Снежная империя не потерпит...

– Убирайся, – сказал Дилюк.

Сероглазый смотрел на него пару секунд, потом поднял напарника, и они исчезли в темноте переулка. Быстро и бесшумно, как тени. Вокруг снова стало тихо.

Дилюк опустил меч, пламя на лезвии погасло. Он стоял к ней спиной, и Мия видела, как были напряжены его плечи, и как медленно и размеренно он дышал при этом.

Потом он обернулся и посмотрел на неё. Она сидела на земле у стены с абсолютно жалким видом: колени прижаты к груди, мокрые щёки, огромные испуганные глаза.

– Ты ранена?

Дилюк спросил это таким спокойным голосом, будто только что не он разбросал двух вооружённых агентов, как тряпичных кукол.

Мия мотнула головой и попыталась встать, но ноги не слушались. Колени тряслись так сильно, что она опять сползла по стене. Дилюк убрал меч за спину, подошёл и протянул руку. Его открытая широкая ладонь, с тем самым шрамом на костяшках, была горячей. Мия посмотрела на его руку, затем посмотрела на него. Лицо Дилюка было, как всегда, непроницаемым, но в глазах виднелась обеспокоенность. Или просто усталость от мира, в котором на юных девушек нападают в тёмных переулках.

Мия взяла его за руку. Он легко, без усилия, поднял её на

ноги и сразу же отпустил. Потом отступил на шаг.

– Больше не ходи одна ночью.

– Я... простите. Спасибо. Я...

Слова закончились. Вместо них пришли настоящие и неудержимые слёзы. Мия стояла перед ним и ревела – некрасиво, с всхлипами и шмыганьем, прижав руки к лицу. Она плакала не от страха или боли, а от всего разом: от одиночества, тоски по маме, от ужаса последних двух недель, от его руки, которая была такой тёплой, и от того, что он отпустил её слишком быстро.

Дилюк продолжал молча стоять рядом. Он даже не пытался утешить её или обнять, или хотя бы сказать «всё будет хорошо». Он просто стоял, но одно его присутствие было подобно защитной стене между ней и всем остальным миром.

Когда она, наконец, затихла и вытерла лицо рукавом (мокрым и грязным, ну и ладно), он сказал:

– Завтра тебя переведут на винокурню. В городе небезопасно.

Мия подняла на него заплаканные глаза.

– На... винокурню?

– Она называется «Рассвет» и находится за городом. Там тебе не будут угрожать.

– Но я... Чарльз...

– Чарльз справится. – Короткая пауза. – Аделинда покажет тебе комнату.

– Аделинда? – конечно она её тоже знала.

– Горничная на винокурне.

Он говорил так, будто уже всё решил давно, ничего не спрашивая и не обсуждая. Просто принял решение и сообщил об этом.

Мия должна была возмутиться или хотя бы спросить, какое право он имеет распоряжаться её перемещениями. Но она стояла в тёмном переулке, с дрожащими коленями и горячей ладонью, которой он касался, и единственное, что она могла выдавить:

– Спасибо.

Дилюк коротко и без лишних движений кивнул.

– Я провожу тебя до штаба.

Они в молчании шли рядом. Его шаги были ровными и тихими, её – шлёпали и шаркали в гигантских башмаках. Сказать, что Мия чувствовала себя неловко – ничего не сказать. Ночной ветер Мондштадта обвивал их обоих, нёс запах цветов и далёкого дождя. У дверей штаба рыцарей Дилюк остановился.

– Запри дверь.

– Хорошо.

Он развернулся и пошёл прочь: тёмный силуэт в тёмном переулке, красные волосы, как затухающий факел. Мия стояла на пороге и смотрела ему вслед, пока он не исчез за поворотом.

Потом вошла внутрь, заперла дверь, поднялась в свою камеру, легла на кровать и лежала с открытыми глазами до

самого рассвета.

Его рука была такой горячей, и такой приятной. Он общался с ней неофициально – просто «ты». А ещё стоял рядом, пока она плакала, и не ушёл. «Я обречена, – подумала Мия, глядя, как потолок светлеет от рассвета. – Совершенно, абсолютно, безнадежно обречена».

Записка Фатуи продолжала лежать под подушкой, чёрные трещины ползли по шкурам мёртвых животных на окраинах Мондштадта, и мир, возможно, трещал по швам. Но в эту секунду Мия думала только о его руке.

Глава 3. Винокурня «Рассвет»

Телега тряслась на каждой кочке. Мия сидела на мешках с мукой, вцепившись в борт, и чувствовала, как каждый камень на дороге отдаётся в позвоночнике. Возница, пожилой мужчина с обветренным лицом, насвистывал что-то бодрое и совершенно не обращал внимания на свою пассажирку.

Утро было солнечным. Мондштадт остался позади, за холмом. Мия впервые увидела окрестности города не ночью, не в панике, не убегая от хиличурлов, а спокойно, при свете дня. Вид был удивительно красивый, почти, как в игре. Зелёные холмы, залитые солнцем. Ветряки на вершинах, медленно вращающие лопасти. Река, сверкающая внизу, в долине. Виноградники на склонах, ровные ряды лоз, уходящие к горизонту. И огромное, синее небо без единого облака.

Телега свернула с главной дороги на боковую – обсаженную старыми дубами. Ветви смыкались над головой, создавая зелёный тоннель, сквозь который пробивались солнечные пятна. Пахло нагретой листвой и чем-то сладким. Виноградом, поняла Мия. Спелым виноградом. Дорога вывела к воротам.

Винокурня «Рассвет» не выглядела, как производственное место. Это было, скорее, маленькое поместье. Каменный дом в два этажа, увитый плющом. Хозяйственные постройки по бокам: амбар, давяльня, погреб. Двор, мощёный камнем,

с колодцем посередине. Рыжий кот, спящий на тёплых камнях у стены.

Мия слезла с телеги (чуть не упав, конечно, зацепившись башмаком за борт) и встала посреди двора. Здесь было так тихо и мирно.

Солнце грело макушку. Кот открыл один глаз, посмотрел на неё, зевнул и снова уснул. «Здесь живёт Дилюк». Эта мысль обожгла её, как кипяток. Мия огляделась уже внимательнее. Вот эти окна на втором этаже, наверное, его комнаты. А по этому двору он ходит каждый день.

«Я буду жить в доме Дилюка Рагнвиндра, и мне выделяют комнату. Я буду дышать одним воздухом с ним. Есть за одним... нет, вряд ли за одним столом. Я же прислуга. Но под одной крышей. Господи, помоги мне не сойти с ума».

Дверь дома открылась, и на крыльцо вышла светловолосая женщина. На ней был передник поверх простого платья. Лицо приветливое, с ямочками на щеках. Руки в муке. Выглядела она моложаво, но Мия знала, что ей должно было быть лет сорок, так как Дилюк и Кэйя были ещё детьми, когда она пришла сюда работать.

– Ты Мия? – спросила она, вытирая ладони о передник. – Чарльз прислал записку. Я Аделинда. Проходи, я покажу тебе всё.

Голос был тёплый, но деловитый. Простое знакомство без лишних церемоний: «вот твоя комната, вот кухня, вот расписание, вопросы есть?»

Мия сразу почувствовала себя легче.

Аделинда провела её по дому. Огромная кухня с каменной печью, медными кастрюлями на стенах и пучками трав, сушащихся под потолком. Кладовая: полки с бутылками, бочки, корзины с фруктами. Гостиная: тёмная мебель, камин, книжные шкафы вдоль стен. Лестница наверх.

– Комнаты хозяина на втором этаже, в левом крыле, – Аделинда кивнула в сторону лестницы. – Туда без приглашения не заходи. Не потому что он рассердится, просто... ему нужно личное пространство. Он это ценит.

Мия кивнула, стараясь не покраснеть.

Они поднялись в правое крыло. Коридор, три двери.

– Это моя комната, – Аделинда указала на первую дверь.
– Твоя – вторая. Третья пустая, там хранится старая мебель.

Мия открыла дверь в свою комнату и замерла. Маленькая, но настоящая и уютная – совсем не как та каморка при штабе рыцарей. Кровать с деревянным изголовьем, застеленная чистым бельём. Небольшой стол у окна. Стул. Шкаф. И окно, распахнутое настежь, за которым виноградники уходили к горизонту, а дальше синели горы.

– Нравится? – спросила Аделинда.

Мия сглотнула комок в горле.

– Очень.

– Ну и хорошо. Переоденься и спускайся на кухню. Работы много. Сезон сбора скоро, нужно готовить бочки, чистить давяльную, перебирать запасы. Руки лишними не бывают.

Она ушла. Мия осталась одна. Села на кровать и провела ладонью по одеялу. Чистое, пахнет лавандой. Подушка мягкая, набита не соломой, а чем-то пушистым. Перо, может быть.

За окном ветер шевелил виноградные листья. Рыжий кот перебрался с камней на подоконник соседнего окна и снова уснул.

«Я живу на винокурне «Рассвет». В доме Дилюка Рагнвиндра». Мия легла лицом в подушку и беззвучно завизжала. Потом встала, одёрнула платье, вдохнула, выдохнула и пошла вниз, на кухню. Работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.